

The background of the cover is a detailed oil painting of a young man with brown hair and a surprised expression, looking slightly to the right. He is wearing a light blue shirt and a red cloak with a thick yellow fur collar. His right hand is clenched into a fist near his chest. Overlaid on the center of the image is the title 'Война и мир' in a large, yellow, pixelated font.

Новый роман автора бестселлеров
«Дни нашей жизни» и «Окна во двор»

Война и мир

Микита Франко

18+

Popcorn books

Микита Франко
Скоро конец света

«Popcorn books»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Франко М.

Скоро конец света / М. Франко — «Popcorn books»,
2023 — (Popcorn books)

ISBN 978-5-6048363-9-2

Оливеру одиннадцать лет, и имя себе он выбрал сам, в честь любимого героя Диккенса. Он любит играть в «Змейку» на телефоне и еду «как в Америке»; мечтает победить хулигана Цапу, вылечиться от ВИЧ-инфекции и попасть в настоящую семью. Но когда из Солт-Лейк-Сити приезжают будущие мама и папа, по телевизору начинают рассказывать, что скоро наступит конец света. Прозаик Микита Франко, автор бестселлеров «Дни нашей жизни» и «Окна во двор», в своих произведениях исследует социальные темы. Герои Франко часто попадают в тупиковые ситуации, о которых мы стараемся лишний раз не задумываться. Но как показывает опыт – выход есть, и он всегда рядом.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6048363-9-2

© Франко М., 2023
© Popcorn books, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Микита Франко

Скоро конец света

© Микита Франко, 2023

© Издани. Porscop Books, 2023

© luviiiLove, иллюстрации на обложке, 2023

Глава 1

Батор

Наталья и Олег... Наталья и Олег...

Я повторял эти имена про себя весь день разными интонациями. Пытался их почувствовать. При слове «Наталья» представлял что-то мягкое, тягучее, сладкое – похожее на мед. При имени «Олег» – нечто звонкое, нестигаемое, как сталь.

Наталья и Олег...

Я воображал разные ситуации, когда мне придется произносить эти имена.

«Как зовут твоих родителей?»

«Наталья и Олег!»

Это будет мой пароль в социальных сетях.

Это будет секретным словом к моим банковским картам. Конечно, когда я вырасту и у меня появятся банковские карты, как у воспиталок. По телефону они говорят «секретное слово» – свое имя. Когда вырасту, моим секретным словом станут имена родителей.

В общем, много всего воображал.

Потому что верил: теперь меня заберут отсюда. Наталья и Олег – мои супергерои, они даже пришли сюда в плащах, потому что утром шел дождь. Мы болтали целых десять минут. Они спросили, почему я не играю с другими, а я ответил: «Просто». Они сказали, что их зовут Наталья и Олег, а потом спрашивали меня о делах, увлечениях и любимых сладостях. Я сказал, что у меня все хорошо, я люблю играть в игры на телефоне, особенно в «Змейку», и люблю «Сникерсы». Они сказали: «Какой славный мальчик». Потом ушли, пообещав прийти завтра.

Я точно знал, что они меня заберут. Когда к тебе вот так взрослые подходят, чтобы поболтать, – это значит, что они хотят тебя усыновить. Ко мне и раньше подходили, но никогда не говорили: «Какой славный мальчик». Они меня заберут.

На следующий день они, как и обещали, пришли снова. Они заметили меня, едва зайдя за ворота, – я сидел на детской площадке, на качелях, и ждал их. Я был в полной готовности – заранее продумывал, о чем они спросят, и мысленно репетировал свои ответы.

«Куда ты хочешь поставить свою кровать?»

«К окну!»

«А что ты любишь на завтрак?»

«Хлеб с маслом, посыпанным сахаром, но, главное, не кашу».

Они подошли ко мне, сказали:

– Привет, славный мальчик!

Я улыбнулся: они помнят. Наталья вытащила из кармана своего бежевого плаща «Сникерс», протянула мне. Я взял.

– Спасибо.

– Нам нужно поговорить со взрослыми, хорошо? Не скучай! – Наталья потрепала меня по волосам.

Потом они ушли, скрылись за дверями батора. Я не скучал. Я знал, что они поговорят с воспиталками о том, чтобы забрать меня навсегда.

В ожидании я снова начал смаковать их имена: «Наталья и Олег...»

Их долго не было. Я никуда не уходил. Начался дождь, но я только повыше застегнул ветровку и продолжил ждать. Подошли старшие – Цапа и Баха, – сказали:

– Мы видели, как тебе та бабень «Сникерс» дала. Поделишься? – Цапа язвительно усмехнулся на последнем слове.

– Она не бабень, – только и ответил я, отдавая им шоколадку.

Они заржали, но отошли, поделив «Сникерс» между собой.

Наталья и Олег вышли из батора спустя два часа. Я привстал с качелей, уверенный, что они и сами меня подзовут, что стоит им подать сигнал, и я побегу за ними – в их машину, в их квартиру на десятом этаже, в свою светлую комнату, к своей кровати у окна... Так, по крайней мере, я все представлял.

Но они лишь кинули на меня какой-то неловкий взгляд. И не позвали за собой.

Они не забрали меня в тот день. Не забрали и на следующий. И через неделю. Они приходили, но больше не разговаривали со мной, а первым завести беседу я стеснялся.

Через месяц куда-то исчез Владик – пацан с кроличьими зубами. Я слышал, что Наталья и Олег усыновили его. Больше они не приходили никогда.

Я плакал тогда, но не сильно. Нянечка мыла вокруг моей кровати пол, шуршала шваброй и приговаривала:

– Ну ладно тебе, ладно, не реви. Ты тут вообще ни при чем. Небось хотели здорового ребенка.

Я настойчиво прогундел сквозь слезы:

– Я здоров!

Нянечка посмеялась.

* * *

Владик с кроличьими зубами всегда навязывался взрослым. Ему было все равно к каким – кто бы ни приехал, к любой женщине он подходил, заглядывал в глаза и спрашивал жалостливо:

– Вы моя мама?

Взгляд у него тоже был как у кролика – огромные голубые глаза, почти мультяшные. Я понял, что именно эта стратегия в конце концов и вытащила его на волю. Но, несмотря на то что Владик был похож на зайца, зайцем он не был. Он был шестеркой. А зайцем был я.

Владик любил бегать вокруг взрослых и вынюхивать. Выслеживал, кому что дарят, кому лишний раз дали шоколадку, кому привезли родственники шмоток, – и все докладывал Цапе и Бахе. Они были главными. Потом все вещи и сладости, о которых доложили, вытряхивали с зайцев типа меня. Наверное, про мой «Сникерс» тоже Владик рассказал.

Но Владик такой был не один – их большинство. Обычно они крутятся вокруг усыновителей, волонтеров и спонсоров, они с ними разговаривают, они им улыбаются – они вынюхивают. Быть шестеркой в баторе легче всего, потому что их почти никогда не трогают. Их чаще, чем других, забирают в семьи, потому что они всегда на виду и первыми бросаются в глаза взрослым.

Я не умел вынюхивать и докладывать, но я хотел, чтобы меня забрали. Поэтому в следующий раз, когда заметил на территории батора семейную пару, выскочил перед ними и закричал:

– Вы мои родители?!

Получилось не так, как планировал, – слишком агрессивно. Умилительная интонация мне не давалась. Я не был милым. Смутившись, они мягко отодвинули меня в сторону и пошли дальше. Я понял: это не мои родители.

Тогда я решил сидеть у забора. Уселся в траву, просунул лицо между железными прутьями и у каждой мимо проходящей женщины спрашивал:

– Вы моя мама?

Некоторые пугались, взвизгивали и отскакивали, потому что мое лицо было на уровне их ног и они меня не сразу замечали. А когда замечали, говорили: «О господи!» – и шли дальше по своим делам.

Только одна женщина остановилась. Она была не одна – с мужчиной. Еще издалека мы встретились взглядами – я тогда сразу понял, что мы заговорим.

Она присела передо мной и первой спросила:

– Ты чего тут?

Я пожал плечами:

– Маму жду. Вы моя мама?

Она, кажется, смутилась:

– Нет...

Мужчина, с которым она шла, стоял немного дальше – за ее спиной – и рассматривал меня с веселым интересом.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Оливер.

– Оливер? – удивленно переспросила женщина. – Как необычно!

– В честь Оливера Твиста, – пояснил я, обрадованный тем, что ей понравилось мое имя.

– А я Вера, – сказала девушка. Она указала на мужчину: – Это Кирилл, мой муж.

Они стали спрашивать, чем я занимаюсь в батаре и что люблю делать. Я опять сказал, что люблю играть в игры на телефоне. Вера сказала, что Кирилл как раз разрабатывает игры для мобильных. А я ответил:

– Моя любимая игра – «Змейка».

Кирилл хотел мне что-то о ней рассказать, но я почувствовал, что у меня за спиной кто-то стоит; Вера и ее муж тоже подняли на кого-то взгляд, замолчав.

Я обернулся. Это была воспиталка. Она строго сказала, что нельзя разговаривать с детьми без согласования с администрацией.

Вера начала оправдываться:

– Да мы просто мимо шли, а мальчик спросил, не его ли я мама...

– Да он на голову больной, – скучающим тоном сказала воспиталка. – И не только на голову.

Вера засмутилась еще больше.

– Ой... – Посмотрела на меня.

– Я здоров, – негромко, но уперто произнес я.

Воспиталка спокойно объяснила:

– Просто у него СПИД и дебилность. Всего хорошего.

Она резко подняла меня за воротник, как за шкурку, и я больно ободрал щеку о железные прутья. Велела идти в сторону детской площадки, и я нехотя пошел, постоянно оглядываясь на Веру и Кирилла – они тоже отходили, растерянно поглядывая на меня. Воспиталке не нравилось, что я оборачиваюсь, и она толкала меня в спину, давая понять, чтобы я шевелился быстрее. И я шевелился.

Вера и Кирилл меня тоже не забрали.

* * *

Мне часто не хватало еды в батаре. Старшаки любили подойти и начать вылавливать своими ложками мясо из наших тарелок. У тех, кто пытался их остановить, суп оказывался за шиворотом. Поэтому никто и не пытался. Только новенькие, не зная порядков, возникали, бывало, по первости.

Кроме мяса, отбирали хлеб, булочки, печенье и конфеты. Питались мы в основном макаронами и гречкой. Воспиталка сидела рядом, ела свою двойную порцию и не обращала на это никакого внимания.

Но однажды у меня было целых две недели сытой жизни. Повариха Галина Петровна начала после обеда подзывать меня к себе, уводила на кухню и там кормила еще раз – уже нормальному. Причитала, что я совсем худой и что она видела, как мне не дают нормально поесть. Я думал: странно, ведь никому из зайцев не дают, почему она кормит только меня? Но я молчал, боялся, что если скажу про остальных, то мне будет доставаться меньше еды.

Две недели она меня так подкармливала, а потом воспиталка сказала, что Галина Петровна хочет взять меня на гостевой. Я спросил:

– Почему именно меня?

А воспиталка ответила:

– Не задавай тупых вопросов.

Цапа и Баха подслушали наш разговор и потом подловили меня у спальни. Цапа прижал меня к стенке, держа за грудки, и вкрадчиво объяснил:

– В городе достанешь нам что-нибудь из техники и шмоток. Понятно?

Я кивнул. Они отпустили меня.

На самом деле мне меньше, чем другим, попадало. Это потому что всяких зубрил, очкариков и уродцев не трогали, никакую пользу с них поиметь было нельзя. Мне повезло – меня считали уродцем. Кроме того, очень опасным уродцем. Воспиталки говорили, что если меня избить до крови, то можно заразиться. Один раз Цапа разбил мне нос, когда в столовой я отказался отдавать ему свой хлеб, а я вымазал в крови руки и побежал за ним, угрожая, что он умрет. Он тогда здорово верещал.

В общем, про Галину Петровну. В гостях у нее я провел три дня. Ей уже было за пятьдесят, жила она в однокомнатной квартире с котом, спала на диване, а я рядом на раскладушке. Первый день у нее прошел ничего, нормально. Она покормила меня, разрешила смотреть любые каналы на телике и играть в телефон сколько захочется.

А на следующий день сказала:

– Давай энергетически очистим твой организм.

Я нахмурился:

– Это как?

– Сходим к одной моей знакомой, она моему бывшему мужу вылечила рак, когда уже врачи руки опустили!

– Да я здоров...

– Вот и проверим это!

В баторе мне все говорили, что я болею, но я этого не чувствовал. Каждый день я принимал несколько таблеток, названия которых знал наизусть: «Диданозин», «Эмтрицитабин» и «Невирапин». Нянечки приносили мне их перед едой вместе со стаканом воды (но таблетки все равно застревали в горле). Они говорили, это нужно для того, чтобы моя кровь не была заразной, но, сколько бы я ни пил лекарств, заразным быть не переставал.

Я подумал, что Галина Петровна знает способ, как вылечиться раз и навсегда, поэтому согласился пойти к ее знакомой.

Жила она в соседнем доме на третьем этаже. Так сразу и не подумаешь, что экстрасенс, – бабушка как бабушка. Сто раз таких видел. Квартира у нее с виду тоже была обыкновенная: в зале цветастый ковер, телик-коробка, старый сервиз на полке полированного шкафа.

Зато во второй комнате уже поинтересней. Во-первых, вместо двери проем закрывала тяжелая блестящая фиолетовая штора. Ну а дальше – загадочный полумрак, свечи на невысоком столе, на полках светятся непонятные шары.

Мы с Галиной Петровной сели с одного конца стола, а бабушка-экстрасенс – с другого. Мы еще ничего не успели ей рассказать, как она сама со мной заговорила:

– Знаю, что тебе врут. Делают из тебя жертву фармкомпаний. Настоящие болезни имеют симптомы, ты знаешь об этом?

Я молчал – мне было непонятно, о чем она.

– Ты чувствуешь себя плохо?

– Нет.

– Значит, ты не болен. Тебе просто нужно пройти через очищение души и тела. Подойди ко мне.

В темноте, при горящих свечах, ее глаза светились как у ведьмы. Я не двинулся с места, но Галина Петровна подтолкнула меня. Я подумал, что должен делать, как она скажет, ведь она была добра ко мне.

Я обошел стол и встал перед ведьмой. Она подняла мою голову за подбородок и посмотрела мне в глаза.

– Сейчас я буду молиться, а ты крестись, понял?

– Я не умею... – одними губами ответил я.

Она, отпустив меня, показала, как это делается. А потом закрыла глаза и начала монотонно говорить:

– Господи,ними с него всякие болезни и хвори: головные, нутряные, ручные, ножные, костяные, кровяные. Пусти эти хвори на синее море...

Я не понимал, что она говорит, и не знал, в какие моменты нужно креститься, так что невпопад водил рукой от плеч ко лбу и обратно. Она много-много раз повторяла эти слова по кругу, и в какой-то момент у меня начала болеть голова: мне стало казаться, что все это чушь, слова не связаны между собой и не имеют смысла.

Я перестал креститься, ведьма оборвала молитву и зло зыркнула на меня:

– Не прекращай!

– Я не хочу, – буркнул я.

– Что?!

– Я не хочу! – повторил я громче.

Чем сильнее я отказывался, тем настойчивей они с Галиной Петровной меня уговаривали. В конце концов я сделал единственное, что оставалось в такой ситуации: лег на пол, застучал ногами и заорал:

– Нет! Нет! Нет!

Кричал и думал: мне можно. Я же детдомовский. И у меня дебилность.

Галина Петровна именно так ведьме и объясняла, охая и поднимая меня с пола:

– Ой, простите, пожалуйста! Извините, ради бога! Я его из детдома взяла, он на голову тоже нездоров!

Лицо ведьмы-экстрасенски сменилось на жалостливое, она зачем-то перекрестила меня несколько раз и посмотрела на Галину Петровну как на мученицу.

Я успокоился только тогда, когда мы ушли из этой квартиры.

– Почему ты себя так ведешь?

– Я здоров. Зачем мне это? Она сама сказала, что я здоров.

Тогда Галина Петровна закричала на всю улицу:

– Ты не здоров! – И еще раз, но уже почти по слогам: – Ты! Не! Здо! Ров!

На следующий день она вернула меня в батор. Напоследок я украл у нее мобильник, потому что обещал старшкам что-нибудь из техники. Она обвинила меня в воровстве, и мои вещи обыскали, но к тому моменту мобильник я уже успел отдать Цапе.

* * *

В баторе был свой священник. Когда он приезжал, ему нужно было признаваться во всем плохом, что сделал. Воспиталка заставляла признаваться всех, кроме Чингиза и Эльмиры. Про них она говорила:

– Им не нужно, у них другая культура, а вы должны каяться в грехах, потому что вы – русские.

Чингиз, услышав это, спросил потом у воспиталки во время обеда:

– А можно я буду есть говядину вместо свинины?

– Жри, что дают, – отрезала та.

Я не признавался во всех грехах, а называл только те, что говорили и все остальные.

– Я матом ругаюсь... – бубнил я, стоя перед какой-то книгой – ее держал в руках отец Андрей. – И еще... Э-э-э...

Воспиталка находилась здесь же, неподалеку, и подсказывала:

– Телефон у Галины Петровны кто украл?!

– Не я.

– Ты! Ты! Еще и врет! Вот и говори теперь: «Я вру».

Я промолчал, подняв взгляд на священника. Он с нескрываемым сочувствием посмотрел в ответ, мягко закрыл книгу и сказал мне:

– Ну все, все... Можешь идти.

Я ушел, а на мое место встал Гоша и сказал:

– Я матом ругаюсь...

Через пару недель я попал к отцу Андрею и его жене в гости. Они усыновили кучу детей – человек шестнадцать, кажется. Такой у них был образ жизни. Я был не против стать их семнадцатым ребенком, даже если придется каждый день признаваться во всем плохом – зато дома.

Его жену звали матушка Светлана. Все должны были называть ее матушкой, даже те, у кого вообще-то есть своя мама. Они жили в деревянном домике недалеко от батора. Первую ночь я провел на полу – на самодельном матрасе, выложенном из одеял, но мне понравилось. Они сказали, что если я захочу остаться в их семье, то они, конечно, купят мне собственную кровать.

Утром я познакомился с Сашей – это их дочь. Она оказалась ближе всех мне по возрасту: мне было одиннадцать, а ей – тринадцать. Она была похожа на мальчика: короткостриженная и в одежде не по размеру – видимо, donaшивала за старшими братьями.

После завтрака мы с Сашей играли во дворе, ели малину прямо с куста и брызгались из шланга. Потом она сказала:

– Давай поиграем в бутылочку.

А я сказал:

– Давай. На что?

– На желания.

– Давай на поцелуи.

У нас в баторе старшие всегда играли на поцелуи или раздевания с девчонками. А если они не хотели, то иногда силой уводили в туалет и там доигрывали.

Саша тоже начала отказываться:

– Я не хочу целоваться.

А я начал торговаться, потому что хотел:

– Давай поцелуемся, а я тебе за это дам телефон.

Их родители были против гаджетов.

На самом деле я просто не знал, когда у меня еще будет шанс поцеловать девчонку. Я же не крутой, как Цапа или Баха, и я не смогу никого утянуть в туалет, когда стану старше.

– Ага, – хмыкнула Саша. – Не дашь...

– Дам, – пообещал я, вытащив свой телефон и показав его.

– Это же «Нokia», – отмахнулась Саша. – Он старый.

– Но у тебя-то никакого нет, – справедливо заметил я. – А тут есть игра в «Змейку».

Вздыхнув, вяло оглянувшись по сторонам, она все-таки согласилась:

– Ладно, давай... Но только быстро.

Я приблизился к ее лицу и прижался своими губами к ее. Она тут же отстранилась, но мне показалось, что получилось слишком коротко, не как настоящий поцелуй, поэтому я еще раз прижался к ней губами, но тут уже нас прервал грозный крик отца Андрея:

– Вы что там делаете!

Саша, отпрянув от меня, затараторила:

– Папа, я тут ни при чем, это он просил, я не хотела, я ничего не делала!

– Ничего не делала?! Да я тебя щас!..

Отец Андрей побежал обратно в дом за ремнем, а Саша – прятаться за сараем. Только я стоял на месте и смотрел на эту беготню как на эпизод из «Деревни дураков» – когда мы были маленькими, нам иногда включали эту передачу в баторе. Просто клоуны – столько шума из-за какого-то поцелуя.

Вечером я слышал, как отец Андрей и матушка Светлана говорили между собой обо мне. Матушка шипела на мужа:

– Кого ты привел в дом? Что ты вообще о нем знаешь?

Отец Андрей отвечал тихо, я не слышал.

– Ты видел его личное дело? Как можно кого попало приводить? А если он ее заразил?

– Он не заразный, – услышал я ответ отца Андрея.

– Ты с чего это взял? Это тебе не шутки! Завтра же своди Сашу на анализы!

На следующий день они вернули меня в батор. Я не стал их семнадцатым ребенком, зато телефон остался при мне.

* * *

Я учился в коррекционном классе, потому что был дебилом. Я с трех лет знал, как звучит мой диагноз: «Умственная отсталость легкой степени». Мне объяснили, что это значит: в будущем я смогу жить самостоятельно и ухаживать за собой, но выучиться у меня получится только на сантехника или маляра.

Светлана Сидоровна преподавала нам математику: рассказывала, как складывать и отнимать цифры. Она всегда говорила мне, что я хорошо считаю, прямо как нормальный. Я это часто слышал и от других учителей, так что порой задумывался: может, произошла какая-то ошибка и меня случайно определили к дебилам?

Светлана Сидоровна была получше многих учителей: добрая и смотрела всегда так участливо. Говорила: «Жаль, я старая, а так бы всех вас и усыновила!» Ей было лет под семьдесят.

Как-то я дежурил и задержался в классе, чтобы вытереть доску, а она сидела за учительским столом и водила взглядом за каждым моим движением. Потом вдруг попросила остановиться.

Сказала:

– Оставь, потом вытрешь. Возьми стул, присядь лучше рядом.

Я послушно отложил тряпку, взял стул от первой парты и сел сбоку от ее стола. Она посмотрела на меня уставшим тяжелым взглядом. Я почувствовал неловкость и поежился.

– Ты знаешь, почему тебя не могут усыновить?

– Нет, – ответил я, хотя догадывался.

– У тебя ВИЧ.

– Ага, – только и произнес я.

Светлана Сидоровна тяжело вздохнула:

– Они не понимают, что ты не чумной и не заразный, что это ерунда...

– Ага, – снова сказал я.

– Может, если кто-то придет усыновлять, попробуешь сам это объяснить, раньше администрации?

– Что объяснить?

– Про ВИЧ.

– Не знаю.

– Как это не знаешь?

Но я упорно повторил:

– Не знаю.

Она сказала:

– Ладно, иди, – и добавила недовольно: – Не знает он...

Ночью я много думал о том, что случилось за последнее время и сколько раз меня могли забрать, но так и не забирали. Наверное, Светлана Сидоровна была права. Взрослые переставали со мной общаться после того, как воспиталки показывали им мои документы и мою медицинскую карту. Наверное, лучше всего будет говорить родителям, что все написанное там – неправда. Я ведь не чувствую себя больным, а болезнь – это когда что-то болит.

Я уснул под утро, и мне приснился сон, что Светлана Сидоровна – моя мама и что она заставляет меня вернуться в батор.

«Фу! – говорила она во сне. – Уходи отсюда! Ты заразный! Ты пугаешь меня! Пугаешь собой и своим ВИЧ!»

* * *

Однажды в батор приезжали психологи-волонтеры и читали нам лекции про какую-то там безопасность. Помню видеоролик: девочку лет пяти прямо с улицы похищает страшный бородатый мужчина, похожий на старика. Старшаки тогда хихикнули: «Педофил!» Психологи нам сказали с такими не водиться и, если кто-то страшный и бородатый позовет с собой, не ходить.

Толик не был ни страшным, ни бородатым, ни даже старым. Ему было лет тридцать, он много улыбался и добродушно смотрел из-под бликующих очков. Кроме того, он не был злым похитителем с улицы, он пришел с самыми лучшими намерениями – усыновить ребенка. И воспиталка про него сказала, что он Анатолий Дмитриевич. Это он сам про себя говорил, что он Толик. Потом уже. У него дома.

Он взял меня в гости. Я решил не говорить ему, что у меня ВИЧ, чтобы он не передумал забирать меня к себе.

Но мой путь в его семью начался не очень хорошо. Когда мы вышли за территорию батора, Толик перестал так много улыбаться и почти ничего не говорил.

У него была своя машина. Я хотел занять одно из задних сидений, потому что знал, что так полагается детям, но он велел мне сесть рядом с ним – вперед. Я послушался, потому что детям еще полагается слушаться.

Ехали мы в тишине. То есть совсем не разговаривали, только радио пело – «Бара-бара бере-бере».

Толик сделал потише и только тогда сказал:

– Новый хит. Бред какой-то.

Чтобы понравиться ему, я ответил:

– Ага.

Неожиданно он схватил меня и прижал мою голову к своим коленям. Все случилось так быстро, что я даже не успел испугаться и только подумал: что теперь? Что он сделает дальше?

Но он ничего не делал. Когда я попытался поднять голову, он прижал меня обратно. Я догадался, что он хочет, чтобы я лежал так, но не понимал зачем. Иногда он опускал руку и

проводил пальцами по моей щеке. Я вспомнил: в фильмах так делают родители. Укладывают детей на колени, обнимают и нежничают. И подумав об этом, обрадовался: он хочет стать моим родителем! Когда он так касался моего лица, я чувствовал себя спокойней.

Машина резко остановилась, и я машинально поднял голову. Он позволил мне подняться, и тогда я увидел, что мы находимся во дворе многоэтажки.

Толик вышел, обогнул машину и, открыв дверь с моей стороны, грубо вытащил меня на улицу.

– Иди в подъезд, вызови лифт, третий этаж, – неласково отчеканил он.

Когда мы сидели в кабинете воспиталки, он был совсем другой – улыбчивый и забавный. Почему он вдруг стал таким злым?

В его квартире было мало мебели. Он сразу провел меня в комнату, где стояли только шкаф, большая кровать и тумбочка рядом. К стене была прибита полка, а на ней сидели мягкие игрушки. Больше не было ничего.

Толик сказал, чтобы я сел на кровать и ждал. Сам куда-то ушел.

Я ждал, почти не двигаясь и ничего не трогая.

Он вернулся с шоколадом в руке, открыл окно, но задернул шторы. Лег рядом со мной, отломил кусочек от плитки и засунул его мне в рот.

– Ешь.

Это был самый вкусный шоколад в моей жизни! Сладость разлилась у меня во рту, и, смакуя это ощущение, я подумал, что хотел бы с ним жить. Если он, конечно, будет давать мне шоколад каждый день.

Толик оценивающе окинул меня взглядом и спросил:

– Давай поиграем?

– Во что?

– Накрасишь губы ради меня?

Тогда я испуганно посмотрел на него.

– М? – вопросительно повторил он. – Накрасишь губы для папочки?

Не дожидаясь моего ответа, он открыл верхний ящик прикроватной тумбочки – там было очень много детской косметики. Вытащив розовый тюбик губной помады, он протянул его мне:

– Давай, порадуй меня.

Я потянул за крышку тюбика, и он открылся с хлопающим звуком. Затем поднес помаду к губам.

Я ведь хотел, чтобы он стал моим папой.

Когда я закончил мазюкать по рту, Толик одобрительно кивнул:

– Вот, теперь ты красивая девочка.

Меня передернуло внутренне, но я напомнил себе, что должен ему понравиться.

– Теперь поцелуй папочку, – сказал Толик.

– Куда? – не понял я.

– Вот сюда, – и он указал на свои губы.

И тогда я вспомнил. Я вспомнил, что бородатые страшные мужчины похищают детей, чтобы целовать их в губы и трогать их тела. Я вспомнил, что психологи-волонтеры говорили, что о таком просят только плохие взрослые.

Толик – плохой взрослый.

Но что я мог сделать? Я был уже заперт с ним в одной квартире.

Я посмотрел в сторону открытого окна. Третий этаж.

Потом я снова посмотрел на Толика. Он ожидал моего поцелуя, и чем дольше я мешкался, тем строже становилось его лицо.

Я снова посмотрел в сторону открытого окна.

Я отбросил помаду, рванул к окну, Толик ринулся за мной, я прыгнул на подоконник, он попытался схватить меня, но запутался в шторах и оторвал их.

Что было со шторами дальше – не знаю. Я прыгнул.

* * *

Я сломал ногу, и меня положили в больницу. Раньше я никогда не был в настоящей больнице, только в баторе, в лазарете. Со мной в палате был пацан семи лет, он почему-то лежал вместе с какой-то взрослой женщиной – у них были кровати, сдвинутые вместе. В течение дня их постоянно кто-то навещал.

Меня тоже часто навещали незнакомые люди, мужчина и две женщины в строгих костюмах, вопросы странные задавали про Толика и про мою воспиталку. Про Толика спрашивали – что он говорил, обижал ли меня, как и где трогал. Я отвечал, что он меня не трогал, и они задумчиво кивали. А про воспиталку спрашивали, отводила ли она меня раньше в гости к взрослым мужчинам. Я сказал, что не. Это правда.

Одна из женщин сказала мне, что я молодец. Не понял почему.

Пацан с соседней койки ныл, что ему скучно, а как по мне – нормально. Тихо, спокойно, еду в палату приносили, пока ешь – никто не отбирает ни хлеб, ни мясо. Когда взрослая женщина куда-то вышла, пацан тихо спросил у меня:

– А где твоя мама?

Я напрягся.

– У меня нет мамы.

– А где она?

– Нигде. Ее вообще нет.

– Как это – вообще нет? – без всякого стеснения расспрашивал он.

– Ну вот так. Я сирота. Живу в детском доме.

У мальчика рот округлился от удивления – он смешно замигал.

– То есть ты живешь совсем без никого?

– Ну не совсем, с другими детьми живу. И с воспиталками.

– Как в садике?

– Каком садике?

– В садике для детей, там тоже воспиталки, – пояснил мальчик. – А у меня есть мама, она тут со мной лежит... А как тебя зовут?

– Оливер.

Он прыснул:

– Похоже на «оливье»! А меня Сашка.

– Похоже на «какашку», – огрызнулся я в ответ.

Сашка не успел на меня обидеться, потому что в палату вернулась его мама. Мальчик сразу же вывалил на нее все, что успел узнать: что я Оливер, что я живу в детском доме, что я «совсем без никого» и меня даже никто не держит за ручку, когда делают уколы. Хотя мне пока их вообще не делали.

Но мама ему только устало ответила:

– Мальчика зовут не Оливер. Олег, да? – Она вопросительно посмотрела на меня. – Саша, наверное, не расслышал.

– Нет, Оливер! – нахмурился Сашка. – Есть такое имя, я в мультиках слышал!

– В России так детей не называют, – отвечала ему мама. – Особенно в детских домах.

Мне как будто стакан холодной воды за шиворот плеснули – захотелось съежиться от этих слов. Меня зовут Оливер, потому что я сам так захотел, потому что я как Оливер Твист.

И я лучше знаю, какое имя мне подходит, – гораздо лучше, чем люди, которые сдали меня в детдом. Сашка был прав, почему его мать не верила?

Но сам я спорить с ней не стал. Я помнил, что взрослых нельзя отпугивать.

Ночью, когда засыпал, сквозь сон расслышал, как Саша шепчет маме:

– Давай заберем мальчика к себе?

У меня быстро-быстро забилося сердце, а сон мгновенно пропал. Я начал прислушиваться.

– Саш, ты че, куда нам? – отвечала ему мама. – У нас места мало, нам даже твой шкаф некуда поставить.

– Пусть спит рядом со мной.

– Нет, так нельзя. И вообще, скоро конец света, так что какая разница?

– Какой конец света? Когда? – испуганно зашептал Сашка.

– В декабре. Племя майя предсказало... – Она негромко рассмеялась. – Ладно, не смотри так, я шучу! Не будет конца света, но мы все равно не можем забрать Олега.

– Это Оливер...

– Хоть кого – не можем.

– Ну давай заберем! – почти заныл Сашка. – Я буду о нем заботиться!

Я подумал: как о щенке или котенке разговаривают. И перестал слушать – быстро заснул.

Они меня, конечно, не забрали. Мама Сашки все от меня прятала. Перед тем как пойти на рентген, они все убрали в тумбочку, а сумку женщина забирала с собой. Глупо, будто бы я из тумбочки постесняюсь стащить. Я бы и стащил, но у них там всякая ерунда: конфеты, машинки, солдатики и кукла Барби. На фиг оно мне надо?

Через две недели мне выдали костыли и выписали из больницы. Когда вернулся, узнал, что прежнюю воспиталку уволили и даже за что-то судят. Прикольно.

* * *

Как правило, в баторе инвалидов не водилось – для них существуют специальные места. Но один все-таки обитал – Зайка. На самом деле этого пацана звали Борей, его мать работала у нас завхозом, а его держала в баторе как бы при себе, чтобы всегда был на глазах. Ну и называла его «мой зайка». За ним так и прижилось: Зайка и его мать – завхоззяйка.

Завхоззяйка любила красить волосы в кричащие цвета: красный, оранжевый, розовый, как будто она какая-то панк-рокерша, хотя ей уже было лет сорок. Еще у нее всегда были длинные висячие сережки почти до плеч.

Боря был скучнее. Он передвигался на инвалидном кресле и почти ничего не мог делать самостоятельно.

Благодаря тому что Боря был домашним ребенком, у него всегда можно было урвать всякие ништяки типа шоколадок, хорошего телефона, наушников и игровых приставок. Я старался с ним разговаривать пару раз в неделю, чтобы он хорошо ко мне относился и разрешал периодически поиграть во что-нибудь или послушать музыку.

Боря болел спинальной мышечной атрофией – это он мне сам рассказал. Еще сказал, что может из-за этого умереть от дыхательной недостаточности в любой момент.

– Значит, ты скоро умрешь, – заметил я, когда впервые выслушал этот рассказ.

– Ага, – кивнул Боря без особого сожаления. – Ты тоже.

– С чего это? – не понял я.

– У тебя ж СПИД.

– Я не чувствую себя умирающим.

– Я себя тоже.

Мы помолчали. Потом Боря, по-взрослому вздохнув, проговорил устало:

– Надеюсь, в декабре мы умрем все...

Я подумал, что в последнее время все только про какой-то конец света и говорят.

После того как я сломал ногу, мы с Борей оказались немного равны. У меня толком не получалось пользоваться костылями, и я мечтал об инвалидной коляске, а другие ребята смеялись над моей неуклюжестью и предлагали отжать коляску у Зайки.

Как бы то ни было, а я действительно начал больше времени проводить с Борей – он обычно торчал в библиотеке, я ковылял до нее на третий этаж, а потом мы вдвоем сидели в тишине и играли в «Супер Марио» на его приставке.

Завхозьяка заметила, что мы сблизилась, и была рада: покупала мне мороженое, помогала передвигаться на костылях, а пару раз даже прокатила по территории батора на инвалидной коляске, пересадив Борю на скамейку. Кататься мне жутко понравилось, я даже не понял: почему все люди не передвигаются на таких колясках? Можно было бы добираться в два раза быстрее куда угодно!

Но мои иллюзии разбились о необходимость вернуться в здание батора – в инвалидном кресле сделать это было невозможно. Не было пандуса. Так что завхозьяке сначала пришлось затащить по ступенькам коляску, а потом, тоже на своих руках, самого Борю, хотя он был почти с нее ростом.

– И так каждый раз? – удивленно спросил я.

– Каждый раз, где есть ступеньки, но нет пандуса, – пояснила завхозьяка. – Живем мы вообще на шестом этаже.

– А лифт?

Она вздохнула:

– В лифт не помещается коляска.

В какой-то момент я понял, что мы дообщались с Борей до того, что я начал испытывать к нему неравнодушие. Иногда мне даже хотелось плакать, когда я понимал, что он скоро умрет. И всякий раз злился, когда в очередной раз слушал рассказы завхозьяки о том, что в городе ничего не приспособлено для таких людей, как Боря.

Я спрашивал у завхозьяки, можно ли вылечить Борину болезнь, но она сказала, что такое еще не умеют лечить.

А потом завхозьяка предложила меня усыновить. Так и спросила: хочешь, мол, я тебя усыновлю. Мы тогда на скамейке мороженое ели, и я чуть не подавился от неожиданности.

Откашлявшись, я сказал:

– Хочу, конечно...

Завхозьяка мне нравилась. У нее были прикольные сережки, и она не обращала внимания на мою заразную кровь.

Но после этого разговора между мной и Борей что-то пошло не так. Он перестал давать мне играть в приставку, не делился шоколадками и всегда выкруливал своей коляской в другую сторону, заведя меня в конце коридора. А мне на этих кривых костылях было невозможно угнаться за ним – оставалось только непонимающе смотреть вслед.

Завхозьяку я вообще больше не встречал. Казалось, что она сидит в своем кабинете и никогда оттуда не выходит, чтобы случайно не столкнуться со мной.

Ну и ладно. Ну и пожалуйста. Как будто я кого-то тянул за язык и просил меня усыновлять! Вовсе даже не просил! Не очень-то и хотелось...

Прошел почти месяц, и мне уже даже разрешили передвигаться без костылей, а завхозьяка так и не вспомнила о своем намерении забрать меня в семью.

Лишь заново научившись бегать, я в конце концов смог догнать Борину коляску, когда он в очередной раз выкруливал от меня, и строго спросил его:

– Почему ты больше не дружишь со мной?

– Потому что моя мама – это только моя мама, – бросил он мне в лицо.

Вот так вот. А я думал, что мы как братья.

* * *

В батор приехали волонтеры-парикмахеры – обычно именно они нас стригли, всех одинаково: мальчиков обстригали так, что у всех головы становились по форме как футбольные мячи, а девочкам только подравнивали кончики волос, поэтому у всех девчонок были длинные волосы. У меня – голова-футбольный-мяч. Я ненавидел эти стрижки.

В тот день я улизнул от этой процедуры. Обошел парикмахершу, незаметно выдернул у нее ножницы из поясной сумки и ушел в девчачий туалет. В туалете для мальчиков почему-то не было зеркала, а мне оно как раз было нужно – я решил, что могу все сделать сам.

Поднял прядь волос и уже хотел чикнуть по ней ножницами, как рука дернулась – я услышал, что кто-то слил воду в одной из кабинок. Замер в напряжении – вдруг кто-то из воспиталок, няnek или администрации? Тогда наорут, прогонят и обзовут извращенцем.

Но из кабинки вышла незнакомая женщина с сумкой на плече. Она встала у соседнего умывальника, справа от меня, и начала мыть руки. Я скосил на нее взгляд, прочитал на застежке сумки: Diog. Где-то я это слышал.

У женщины были длинные ногти со светло-розовым лаком. Какие-то золотые сережки, колечки на пальцах – прямо все атрибуты нагламуренной курицы, но при этом на курицу она была не похожа. Это хорошо. Я ненавидел нагламуренных куриц – все старшие девчонки в баторе вели себя как они.

Закончив мыть руки, женщина посмотрела на меня, и тогда я увидел, что она не очень старая – ну ей лет тридцать пять, наверное. А то я сначала подумал, что она сорокалетняя старуха.

– Что ты делаешь? – спросила она, задержав взгляд на ножницах.

– Хотел подстричься, – честно сказал я.

– Почему сам?

– Мне не нравится, как стригут волонтеры.

– Почему? – нахмурилась женщина.

Я вздохнул:

– Потому что башка потом как футбольный мяч.

С полминуты она оглядывала меня с головы до ног, а потом с ног до головы, а потом опять с головы до ног. И внезапно предложила:

– Давай я тебя подстригу.

Я удивился:

– Вы умеете?

– Нет, – просто ответила она. – Но я хотя бы вижу тебя со стороны.

Она взяла у меня ножницы и встала рядом со мной с таким видом, будто всю жизнь только и делает, что стрижет детей в неподходящих для этого условиях.

– Наклонись над раковиной, помоем голову, как в настоящей парикмахерской.

– Нам никогда не мыли голову, – сказал я, но послушно наклонился.

– А в настоящих парикмахерских – моют, – ответила незнакомка и включила воду.

Я почувствовал поток прохладной воды и поежился. Женщина спросила, сделать ли воду теплее, а я зачем-то сказал: «Нет», но вода все равно стала теплой.

У нее были аккуратные мягкие руки, и на секунду мне показалось, что я дома и рядом со мной мама. Я никогда не был дома и никогда не видел маму, но это ощущение пришло ко мне, как будто я мог его вспомнить или узнать.

От неудобной позы немного затекла шея, но все равно хотелось, чтобы эти окружающие меня забота и безопасность длились вечно.

Наконец женщина сказала выпрямляться (сделав это, я почувствовал, как за шиворот побежали струйки воды, и снова поежился), достала из своей сумки расческу и причесала меня. Потом взялась за ножницы.

– Как тебя зовут? – спросила она. В этот момент в раковину упала первая срезанная прядь.

– Оливер. А вас?

– Анна.

Ножницы еще пару раз чикнули в тишине. Она не сказала, что у меня странное имя.

– Вы пришли за ребенком? – спросил я.

Анна, кажется, смутилась:

– Да, уже не первый год пытаемся добиться права усыновления.

– Почему так долго?

– Много всякой бумажной волокиты. Мы с мужем иностранцы – для нас все гораздо сложнее.

– А из какой вы страны?

– Из Америки.

Я выдохнул:

– Вау...

Что я знал про Америку? То, что видел в фильмах: куча аттракционов, еды, сладостей, у каждой семьи свой дом и собака. Не жизнь, а сказка!

– Я думал, в Америке говорят на ненашем, – сказал я.

Анна кивнула:

– Верно, на английском. Просто я родилась здесь, в России. Училась в Америке и замуж там вышла.

– А на кого вы там учились?

– Я учительница. Преподаю математику.

– Можно было бы и в России выучиться на учительницу, – заметил я.

Анна улыбнулась:

– Можно, конечно. Но мне хотелось в Америке.

Мы помолчали. Только ножницы в тишине: чик... чик...

Потом она спросила:

– А ты кем хочешь стать?

Я пожал плечами:

– Да это не имеет значения.

Она удивилась:

– Почему?

– Я умственно отсталый. У меня дебилность. Меня никуда не возьмут. Только на сантехника или маляра.

В зеркале я увидел, как у Анны округлились глаза.

– Ты не шутишь?!

– Нет, – спокойно ответил я.

– Это какая-то ошибка! Быть такого не может...

Я снова пожал плечами.

Анна так и стригла меня, с такими большими удивленными глазами – было забавно. Только почему-то она замолчала.

Лишь закончив, Анна сказала:

– Ну вот... Смотри... – говорила она тише, чем до этого.

Я покрутил головой перед зеркалом. Получилось очень даже хорошо – и коротко, и при этом я не стал похож на футбольный мяч.

– Здорово! – искренне обрадовался я.

Но Анна только грустно улыбнулась. Может, она подумала, что плохо меня подстригла? Для убедительности я еще раз повторил:

– Правда, очень хорошо.

Она убрала расческу, включила воду, смыла с раковины мои волосы. Я неловко стоял рядом.

Потом она посмотрела на себя в зеркало. И я тоже посмотрел в зеркало – на нее. Мы встретились взглядами, и Анна сказала:

– Когда, пронзительнее свиста, я слышу английский язык, – я вижу Оливера Твиста над кипами конторских книг.

Лицо у нее при этом осталось грустным каким-то. Хотя стихи хорошие – мне понравились.

– Чьи это? – спросил я.

– Мандельштам.

Почему-то, сказав это, она быстро-быстро засобиравшись и ушла. Спohватившись, я решил выскочить на крыльцо, чтобы посмотреть ей вслед.

Но крыльцо было занято. Она на нем курила. Плакала и курила. Вокруг шел дождь. Когда закончила курить, пошла прямо так – без плаща и зонтика. Хотя зонтик, мне кажется, у нее был.

* * *

На следующий день Анна снова приехала в батор. Она сразу пошла к администрации, а через время вызвали меня – сказали, что она хочет со мной пообщаться. Я пожал плечами: пусть пообщается, если хочет. Я тогда еще не понимал зачем.

Мы прогуливались по территории батора, и она задавала вопросы, по которым я начал догадываться, что она, наверное, подумывает меня забрать. Все как обычно: чем занимаешься, что любишь...

– Я люблю играть в «Змейку», – ответил я.

– А это что?

– Игра на телефоне, – и я вытащил свою старую «Нокию» из кармана.

Анна немного удивилась:

– У тебя такой телефон?..

– Какой «такой»?

– Такой... Старый.

Я хмыкнул:

– Что в баторе дают, тем и пользуюсь.

Анна нахмурилась:

– В баторе? Ты так называешь детский дом?

– Все так называют. От слова «инкубатор».

Мы прошли целый круг в молчании. Анна думала о чем-то своем, а я размышлял, стоит ли мне пытаться самому подбирать темы для разговора, или это она должна делать как моя потенциальная мама.

Пока я думал, она спросила первой:

– Почему ты называешь себя Оливером?

– Потому что меня так зовут. В честь Оливера Твиста.

– Ты читал?

– Да. У нас в библиотеке есть.

– И тебе кажется, что ты похож на Оливера?

– Да, – кивнул я. – Он все время скитался один. Я тоже один.

Она посмотрела на меня с каким-то неясным восторгом. Но мигом ее взгляд потух и сменился другим – жестким, почти пустым. Я знал, что это значит.

Так все смотрели. Светлана Сидоровна так смотрела, когда я с ходу решал задачи по математике. А воспиталки – когда подсказывал им ответы в кроссвордах. Сначала взрослые понимали, что я умный, а потом вспоминали, что debil.

Когда наша прогулка подошла к концу, мы остановились у крыльца, Анна вытащила из сумки яркую упаковку каких-то длинных разноцветных трубочек. Протянула мне:

– Держи.

Я взял презент в руки.

– Это что?

– Что-то типа тянущихся конфет.

– Это съедобно? – удивился я.

Анна засмеялась:

– Конечно!

Впервые за весь день она улыбнулась.

Мы попрощались. Я дождался, пока она скроется за калиткой, и только потом поднялся в здание батора.

Едва шагнул за порог, как упаковку с конфетами выбили у меня из рук, а самого повалили и придавили ногой к полу. Это были Баха с Цапой и два их прихвостня. Они потрясли конфетами у меня над головой, противно спрашивая друг у друга:

– Ну, что тут у нас?!

– Конфе-е-е-еты!

– Конфеты от сисястой американки!

У меня не получалось задрать голову, чтобы посмотреть на них, но по хлопающему звуку я понял, что они открыли упаковку и начали делить конфеты между собой.

Ботинок, прижимавший меня к полу, сместился и легонько, для привлечения внимания, пнул в ребра.

– Э, слыш, – пробасил обладатель ботинка. – Все, что тебе эта телка будет приносить, – отдаешь нам, ясно?

– Ясно... – выдавил я.

Они отпустили меня и пошли дальше по коридору, обсуждая Анну: что-то про сиськи, задницу и что бы они с ней сделали, будь у них такая возможность.

Я поднялся и, посмотрев по сторонам, отряхнулся. Нашел на полу случайно выпавшую конфету – подобрал и съел. За моими действиями лениво следил из будки полупьяный баторский охранник.

* * *

В следующую встречу, которая состоялась через два дня, Анна подарила мне телефон без кнопок. Он был раза в три больше, чем моя «Нокиа», едва влезал в карман и неудобно лежал в руке. В баторе такие телефоны были только у влиятельных старших, хотя спонсоры и волонтеры часто дарили технику. Они приезжали на машинах с какими-нибудь надписями типа «Помоги ребенку» или «Сделай счастливым малыша», всех гладили по головам и раздавали дорожные вещи. А когда их машины отъезжали от здания батора, старшаки отбирали у нас новую технику, потому что большинство из нас торчали им денег. За что? Ни за что – долги они просто выдумывали. Могли предложить конфету за обедом, а потом оказывалось, что ты должен за нее сто рублей. Один раз я так за сто рублей продал четвертый айфон.

И вот Анна стояла передо мной в белом сарафане с желтыми подсолнухами, похожая на дамочку из американских фильмов про счастливую жизнь, показывала этот огромный телефон и смотрела на меня с немым, но очень радостным вопросом: мол, ну как тебе?!

– Спасибо, – сдержанно ответил я, уже представляя, как его заберут.

– Тебе не нравится?

Я услышал нотки разочарования, поэтому бодро ответил:

– Конечно, нравится!

Мне не хотелось ее обидеть. Я боялся, что она может не захотеть меня усыновлять, хотя она еще ни разу этого и не обещала.

В тот раз она приехала ненадолго. Передала подарок, спросила про дела, потрепала по волосам и пообещала, что завтра снова приедет. Я хотел попросить не привозить с собой подарков, но постеснялся.

После ее визита меня вызвала к себе воспиталка. Это помогло пройти через весь коридор мимо старшаков нетронутым – им оставалось только провожать меня недобрыми взглядами.

А воспиталка зачем-то принялась расспрашивать про Анну: что она мне говорила, что дарила, чего пообещала...

– Да ничего не обещала, – пожал я плечами.

– А подарки дарила?

– Дарила.

– Ты думаешь, она хочет взять тебя к себе? – криво усмехнулась воспиталка.

– Я не знаю.

– Не обольщайся. Она просто играет с тобой, как с куклой, пока ей не надоест... Что ты на меня так смотришь? Я говорю тебе как есть, чтобы потом это не стало для тебя трагедией. Все эти усыновители из Америки такие.

Я удивился:

– А почему они такие?

– Какая страна – такие и граждане.

– А какая страна?

– Подлая и жестокая. Если хочешь знать, таких, как ты, там вообще нет. Их усыпляют при рождении.

– Каких «таких»? – не понял я.

– Ну дебилов, умственно отсталых, инвалидов. Это в России вас учат, кормят, одевают за счет государства. А в Америке – нет. Кто будет за это платить? А за твои лекарства? Государство там ни копейки не дает своему народу. Понятно?

– Понятно, – буркнул я.

– Ну все, иди. И не мечтай, что она тебя заберет. Для твоего же блага предупреждаю!

Я не успел обдумать то, что она мне сообщила. Потому что едва снова вышел в коридор, как на меня накинлись со всех сторон, человек пять – я даже не успел разглядеть их лица, но понимал, что это шестерки Бахи и Цапы. Они принялись выдергивать из моего кармана мобильник. Я не очень-то и сопротивлялся, потому что знал, чего ждать от всех этих визитов с подарками. Но, отобрав телефон, они не уgomонились.

– Что, тупая американка хочет тебя к себе взять?! – выкрикнул мне в лицо один из них.

Толкнув меня в плечо (каждый по очереди), они в конце концов оставили меня в покое. А я подумал: жаль, что я не родился в Америке. Лучше бы меня усыпили.

* * *

В игровой стоял телевизор, похожий на старый пузатый ящик. Если бы я не бывал в домах других людей, где телевизоры не толще моего указательного пальца и всегда висят на стене, я бы и не догадывался, что у нас какой-то старый допотопный телик.

Когда было свободное время, нам разрешали его смотреть, но ребята просили включать всякую фигню типа каналов с клипами, где играла тупая приедающаяся музыка.

В тот день музыкальный канал не работал, поэтому нам включили другой – с фильмами. Всем сразу же стало скучно, пацаны пошли воевать за единственный компьютер, а девчонки – торчать на улице. Смотреть фильм остался только я.

На самом деле я сначала тоже хотел пойти на улицу, но заметил на экране человека, похожего на некоторых баторских детей: он вел себя то заторможенно, то суетливо, напоминал пятилетнего, хотя выглядел на сорок, и даже казался глупым. Находился он в специальном месте, где у него была своя комната, а весь персонал общался с ним очень вежливо.

Я оглянулся на воспиталку – она тоже сидела в игровой и флегматично читала книгу.

– Он debil? – спросил я у нее.

Она подняла ленивый взгляд на экран телевизора, затем медленно опустила его обратно в книгу и кивнула.

– А где он находится?

– В специальной лечебнице для debilов.

– И он там всю жизнь? С рождения?

Она зевнула:

– Да, наверное...

Нахмурившись, я снова посмотрел на экран. Мужчина, который вел себя странно, забрался в кабриолет и о чем-то спорил с молодым парнем.

– А что это за страна? – снова повернулся я к воспиталке.

Она опять лениво глянула на телевизор.

– Америка вроде...

– Но там же debilов усыпляют при рождении, – напомнил я.

– Ну, видимо, не всех... Но большинство.

– А зачем им специальные места для них, если большинство усыпляют?

Она только пожала плечами.

– И инвалидов тоже усыпляют?

– Ага.

– Но ведь инвалиды могут быть очень умными. Они же могут стать учеными, что-нибудь изобрести.

Она как-то странно посмотрела на меня и улыбнулась. Я увидел в этой улыбке насмешку над моими рассуждениями, над моей жалкой попыткой понять эту жестокую и бездушную страну.

– А тебе не рано о таком размышлять? – иронично спросила воспиталка.

– Но это ведь нелогично. Зачем им убивать свой народ? Какой смысл?

– Ты не поймешь, – только и ответила она.

Я думал о том, что страна, убивающая свой народ, не может быть такой развитой. У американцев классное кино, лучше, чем наше. Американцы делают много крутых штук: от компов до телефонов. В учебниках нередко упоминают американцев, сделавших то одно научное открытие, то другое. Как будто человек без руки не может быть умным и полезным – что за ерунда такая?

Вечером приехала Анна, в суперкоротких шортах и пахнущая духами. Духи сладкие – как запах ирисок.

Я сразу спросил у нее, правда ли, что в Америке при рождении усыпляют дебилов и инвалидов.

– Чего-о-о? – удивилась она. – Кто тебе это сказал?

– Воспиталка.

Анна цыкнула:

– Вот дура... – Она серьезно посмотрела на меня. – Никто и нигде никого не усыпляет, понятно? И нет такого слова – «дебил». И людей-дебилов тоже не бывает.

– А кто бывает? – удивился я.

– Бывают тупые дуры типа нее.

Мы сели на скамейку, а Анна принялась рассказывать, как на самом деле в Америке хорошо. Сказала, что там часто можно встретить на улице человека с ограниченными возможностями (она так длинно и непонятно называла инвалидов), потому что города приспособлены для них: есть пандусы, парковки, подходящая ширина дверных проемов. В России таких людей почти не видно, потому что у большинства из них нет возможности самостоятельно покинуть квартиру. Чаще всего они вынуждены прозябать в четырех стенах, хотя современный мир позволяет полноценно жить всем, просто в нашей стране об этом как будто не знают.

Закончив рассказывать про счастливых американских инвалидов, она тяжело вздохнула:

– Это в России их убивают, а не там.

И, спохватившись, быстро добавила:

– Ты только нигде этого не повторяй!

– Почему?

– Мало ли что.

В этот момент с хрюкающим гоготом из-под скамейки вылезла рожа Цапы. От неожиданности Анна вскрикнула, а он протиснулся между нашими ногами, быстро что-то сфоткал и с таким же хрюканьем устремился прочь. Мы смотрели ему в спину: мерзко посмеиваясь, он убегал обратно к зданию батора.

– Что это было? – быстро дыша, спросила Анна.

– Он сфоткал ваши ноги, – пояснил я.

– Зачем?

– Считает, что вы секси.

– О господи...

В этот раз мы быстро попрощались. Она ничего не принесла с собой, и я был рад.

Я дождался, когда приедет такси, проводил ее до забора и еще долго смотрел вслед удаляющейся машине. Наверное, ей казалось, что я провожаю ее взглядом, на самом же деле я оттягивал время. Мне не хотелось идти в батор, потому что после каждого посещения Анны меня били.

Я надеялся, что возвращение с пустыми руками спасет меня от улюлюкающих придурков, но ситуация оказалась еще хуже – возле входа в батор стоял сам Цапа. Когда я подошел к дверям, он больно схватил меня за руку выше локтя и дернул к себе. Прямо в лицо, дыша вонючим табаком, пробасил:

– В следующий раз приведешь ее в нашу спальню, ясно? А не приведешь – я тебе хер отрежу, педик спидозный.

Про «хер» прозвучало настолько уверенно, что я ни на секунду не усомнился, что он так и поступит.

– Ясно, – пикнул я.

Он отпустил меня и пошел дальше по коридору, на ходу названивая Бахе и рассказывая, как он планирует в честь следующего приезда «сисястой американки» сдвинуть кровати.

* * *

Я перестал отвечать на звонки Анны. Вернее, я отвечал, но каждый раз не то, что она хотела услышать:

– Привет, я сейчас не могу говорить, я стираю носки, – говорил я, когда на самом деле смотрел клипы по телевизору.

Или, если она звонила за обедом, показательно кашлял в трубку и говорил, что подавился.

Или врал, что у меня болит голова и я не в состоянии разговаривать.

Потому что я знал, что, если мы начнем болтать, она спросит, может ли завтра приехать, и если я скажу: «Да», то должен буду заманить ее в спальню к Цапе; а если скажу: «Нет», то могу потерять ее навсегда, а она единственный человек, который хочет со мной общаться. Поэтому я предпочитал выдумывать причины, по которым не могу с ней говорить.

На пятый день вместо привычного «Привет» я сразу услышал:

– Оливер, что происходит, я тебя чем-то обидела?

В этот момент я шел по коридору до столовой, но решил изобразить тяжелое дыхание и быстро сказать:

– Сейчас физра, не могу говорить, пока!

Цапа нервно спрашивал, где моя «сисястая американка», но я врал, что она мне не звонит и я ничего не знаю.

– Видимо, ты слишком долбанутый даже для Америки, – заключил Цапа.

Наверное, он бы в итоге отобрал у меня телефон и позвонил Анне сам, если бы на выходных не приехали волонтеры, всегда отвлекающие от повседневных проблем. У одного из зайцев, Костяна, был день рождения, и волонтеры привезли с собой кучу подарков, торт и конфеты – Цапа тут же обо мне забыл.

В столовой накрыли стол, мы вразнобой на ломаном английском спели Костяну «Хэппи бездэй ту ю», он задул свечи, воспитатки, нянечки и волонтеры похлопали в ладоши, покружили вокруг нас и ушли куда-то. Это было плохо. Никто из нас не успел доесть свой кусок торта.

Конечно, как только мы остались одни, старшие налетели на наш стол, как вороны. Отбрали все самое вкусное: торт, пирожные, шоколадные конфеты (оставили только карамельки). Торт брали прямо грязными пальцами и запихивали большими кусками себе в рот, гогоча, а конфеты распихивали по карманам.

Костян, чуть не плача, пытался отстоять свой праздник, но Цапа вымазал ему рот кремом. Подобные сцены повторялись из раза в раз, когда у нас – средних – бывали дни рождения. Нормальные праздники и чаепития получались только у младших – за ними следили лучше. А мы чувствовали, что взрослеем.

При взгляде на Костю у меня что-то защемило в сердце. Мне захотелось как-то подбодрить его, и я сказал:

– Ничего, скоро он выпустится, и старшими будем мы.

Костян, бросив на меня серьезный хмурый взгляд (его карие глаза в тот момент были похожи на блестящие вишенки), сказал:

– Не разговаривай со мной, спидозный.

«Спидозным» меня стали называть с подачи Цапы и Бахи.

– Ты хоть знаешь, кто это? – спросил я у Костяна, потому что сам толком не знал.

– Это ты, потому что ты заразный, – ответил Костян. И почему-то, выдержав паузу, будто бы на всякий случай добавил: – Фу.

Встав из-за стола, именинник ушел. Праздник был окончен: мы остались без сладостей, без хорошего настроения и без справедливости.

Вечером, закрывшись в кабинке туалета, я позвонил Анне и шепотом сообщил, что Цапа собирается сдвинуть кровати в следующий раз, когда она приедет.

– И что это значит? – спросила она.

Я понимал, что это значит, но мне было неловко объяснять, поэтому я сказал:

– Вы же взрослая. Сами должны знать.

Она невнятно что-то сказала вроде «ага» или «угу».

– Ладно, не переживай, я все равно приеду.

– А как же Цапа?

– Да мне пофиг на него.

Я обрадовался, что она такая смелая и не боится Цапу, хотя он придурок, а жизнь в баторе научила меня сторониться придурков.

Подумав, я спросил о том, что волновало меня после разговора с Костяном:

– А что значит «спидозный»?

Помолчав, Анна спросила:

– Это тебя так называют?

– Да.

– Не обращай внимания.

– Но что это значит?

– Это ничего не значит.

– Как так? Слово, которое ничего не значит?

– Это значит, что тот, кто тебя так называет, полный дурак. Больше это не значит ничего.

– Меня так все называют.

– Значит, все дураки.

– Так бывает?

Анна вздохнула:

– Ты не представляешь, насколько часто...

Я услышал, что в туалет кто-то зашел, и шепотом выпалил в трубку:

– Все, мне пора!

Покинув кабинку, возле умывальников я столкнулся с одним из пацанов. Смерив меня взглядом, он сказал, что туалет для девочек в другой стороне. И шикнул уже в спину:

– Педик спидозный!

Я ничего не имел против туалета для девочек, но там на меня бы тоже шикали «спидозным» и прогоняли.

* * *

В игровой воспиталка смотрела «Рен-ТВ». Девчонки попросили переключить на канал, где крутили древний сериал про Сабрину, маленькую ведьму, но воспиталка ответила, что смотрит интересную научную передачу.

Мне нравились научные передачи. В школе учителя очень скучно объясняли интересные вещи. Например, училка по биологии долго и нудно любила повторять: «Вот здесь у цветочка листочек, а вот здесь – стебелечек», и потом еще раз, и еще раз – одну и ту же информацию. Я как-то спросил, зачем она это делает, а она ответила с плохо скрываемым негодованием: «Чтобы вы лучше усваивали, у вас же особенности!»

Да, учителя были мягче в своих выражениях. Обычно то, что воспиталки называли «дебильностью» и «отсталостью», учителя называли «особенностями».

На экране телевизора мелькал видеоряд с землетрясениями, наводнениями, лесными пожарами, а тревожный голос за кадром вкрадчиво говорил: «Неужели человечество не способно справиться со стихийными бедствиями? Неужели нам всем действительно придет конец?»

– О чем он? – спросил я.

Но воспиталка только резко махнула рукой: мол, молчи и слушай дальше.

Я слушал.

«21 декабря 2012 года может стать последним днем для всего человечества, – продолжал закадровый голос. – Ведь именно в этот день во Вселенной случится грандиозное космическое явление – парад планет».

Голос объяснял, что все планеты Солнечной системы выстроятся в один ряд, чем растянут магнитное поле Земли и повысят температуру на планете до ста градусов. Затем реки, озера и моря начнут испаряться, а вулканы – разом извергаться, исторгая в атмосферу такое количество пепла, что солнце не сможет пробиться сквозь тучи.

Голос звучал скорбно и серьезно. Я выдохнул:

– Ого...

Воспиталка только грустно покивала.

– Это ученые так говорят? – спросил я.

Ответ не заставил себя ждать. Голос, будто бы услышав меня, пояснил: «Такой сценарий гибели всего человечества предсказали древние майя – их астрологический календарь заканчивается на дате 21 декабря 2012 года».

– Ого... – снова выдохнул я.

А воспиталка снова покивала.

– А кто такие древние майя?

– Наверное, очень мудрый народ, который раньше жил.

– Просто древние люди?

– Ну, умные древние люди...

– Но в древности ведь не было такой науки, как сейчас, как тогда они могли...

Воспиталка поморщилась, перебивая меня:

– Ой, ну хватит жужжать над ухом, не мешай смотреть!

Я перестал жужжать. Но и смотреть тоже перестал – не хотел расстраиваться. До конца света оставалось всего лишь три месяца, и это было абсолютно несправедливо, потому что именно сейчас у меня появился шанс попасть в семью Анны. Мне не хотелось умирать, так и не успев понять, что такое нормальная жизнь.

Я ждал ее приезда, гадая, как она будет расправляться с Цапой, ведь он такой сильный. Может, она знает приемы карате или умеет боксировать? Мало ли чем они там занимаются в своей Америке.

Но Анна приехала не одна. Обычно она добиралась на такси, но в тот день даже по шуршанию колес, которое было слышно еще издалека, я смог определить: это необычная машина.

За забором батора припарковался огромный джип. В декорациях из нашего облезлого детдома и редких деревьев вокруг машина напоминала блестящего неуклюжего монстра. Ребята, в этот момент игравшие на площадке, прильнули к забору, чтобы разглядеть автомобиль поближе. Я тоже подошел к калитке.

Дверца со стороны водителя открылась, и мы увидели мужчину – из-под темных, чуть спущенных на переносицу очков на нас смотрели добродушные синие глаза. Он улыбался, и на смуглых щеках появлялись совсем детские ямочки – у меня тоже есть такие.

– Хай, – вдруг сказал он.

Я почувствовал, как кто-то толкает меня в спину, будто я должен подойти поближе.

– Он говорит с тобой! – зашептали мне.

Но мужчина сам открыл калитку и шагнул на нашу территорию. Все начали расступаться, делая большой круг возле нас двоих. Я тоже хотел отойти, слиться с толпой, но он наклонился прямо ко мне и спросил:

– Oliver, yes?

Все зашушукались:

– Он англичанин!

– Нет, американец!

– Может, он вообще немец!

Конечно, я учил в школе английский язык и понимал, что он уточняет мое имя, но в тот момент меня сковал непонятный ужас от этого странного чужого человека, который на территории нашего батора выглядел не меньше чем пришельцем, спустившимся с другой планеты. В горле у меня пересохло, и я не мог ответить ему, как это бывает во снах – когда хочется что-то сказать, но слова застревают где-то в горле, будто ты вообще разучился разговаривать.

Я сразу вспомнил все, что рассказывали мне об Америке и американцах. Все, что твердили воспиталки и о чем урывками слышал из научных передач, которые они смотрят. Американцы злые и опасные, они хотят с нами войны, они нас ненавидят, они не по-настоящему улыбаются, они не по-настоящему дружат, если американец добр с тобой, скорее всего, он хочет тебя убить.

Снова хлопнула дверца машины, и я перевел на нее взгляд. Анна! Она наконец-то тоже вышла, легкомысленно сообщив:

– Ой, мама так не вовремя позвонила...

Я разозлился: чего она отвлекается на телефонные разговоры, ведь я тут, оставленный наедине с американцем, почти умер!

Когда мы вдвоем двинулись по раздолбанной полуасфальтированной дорожке к зданию батора, ребята начали медленно расходиться, провожая нас завистливыми взглядами издали. Я чувствовал себя особенным.

Анна сказала, что сначала они вдвоем пообщаются с администрацией, а потом – со мной. Еще она сказала, что этот мужчина – ее муж и что его зовут Бруно. Я бы никогда не назвал так человека, но американцам виднее.

Если честно, когда мы дошли до белой двери с обшарпанной табличкой «Директор», я никуда не ушел. Я остался подслушивать. Мне было уже ясно, что за этой дверью все всегда и решается – заберут меня или нет. Обычно там и говорят: «Он дебил», или «Он писал в штаны до семи лет», или «У него бо́льшая кровь, он заразный». И тогда обычно твои будущие мама и папа как-то внезапно перестают быть твоими.

Бруно немного говорил по-русски и немного понимал. Он задавал неправильно сформулированные вопросы вроде: «Какой с нас нужен документ?» или «Какой нужен справка?» Иногда Анна переводила ему часть разговоров.

А потом директриса, тяжело вздохнув, все-таки сказала:

– Вы же понимаете, что у него ВИЧ?

Бруно удивился вопросу:

– Ну и что?

Они продолжили обсуждать бумажки, и мне стало скучно подслушивать – я отошел от двери и дожидался их на клеенчатой скамейке. Спустя целую вечность они наконец вышли, о чем-то тихо переговариваясь между собой на английском.

Бруно, улыбнувшись, сел передо мной на корточки, протянул руку куда-то за мою голову (я опасливо попытался обернуться, чтобы посмотреть, что он делает), почувствовал, как что-то задело мое ухо, и через секунду он показал мне блестящую пачку жвачек, зажатую между его пальцами.

– Фокус! – улыбаясь, сказал Бруно и протянул пачку мне.

Дрогнувшим голосом я поблагодарил его, взял пачку и тут же открыл – зная, что потом все отберут, хотелось попробовать хотя бы одну штучку. Жвачки были неестественных ярких цветов. Я вытащил красную – со вкусом арбуза.

– Можно надуть огромный пузырь, – сказала мне Анна.

Я попытался, но мой огромный пузырь тут же лопнул, прилипнув к носу. Бруно и Анна по-доброму засмеялись, и тогда я тоже посмеялся, хотя сначала почувствовал себя глупо.

Когда мы проходили по коридору мимо наших комнат, я увидел Цапу – он злобно смотрел мне прямо в глаза. Но в чем я был виноват?

«Пожалуйста, Цапа, я веду ее мимо твоей спальни, – подумал я, глядя на него, – или ты боишься к ней подходить, когда рядом муж?»

Я знал, что потом меня все равно отметелят, но в тот момент чувствовал, что победил. Мы победили.

Гуляя по территории батора, мы много болтали, особенно Бруно – ему нравилось рассказывать про Америку и про разные штуки, которые есть у них, но нет у нас.

– Бейсбол! – говорил Бруно и делал вид, что замахивается битой, а потом смотрит вдаль, – показать ему было легче, чем объяснить.

– Я видел по телику, – вспоминал я. – А в чем смысл игры?

– Не знаю, – смеялся он. – Мне она никогда не нравится! Но когда ты приехать к нам, обязательно сходим на матч.

– Это такое американское клише, – объясняла Анна, улыбаясь. – Отец и сын ходят смотреть бейсбол.

У меня радостно екнуло сердце: «Отец и сын!»

– А когда я приеду?

– Когда нам одобрят все бумажки и пройдет суд. Это, наверное, на несколько месяцев.

– Понятно, – разочарованно произнес я.

– Не переживай, – подбодрил меня Бруно. – Мы будем навещать тебя все время!

– А конец света?

– Какой конец света? – не понял он.

– Ну, в декабре...

Анна прыснула:

– Боже мой, Оливер, это бред! Не будет никакого конца света, кого ты слушаешь?

– Телевизор.

– Не смотри телевизор!

– А что смотреть? Нам тут больше нечем заниматься.

– Тогда смотри, но только хорошие фильмы, понял? – с шутливой строгостью сказала Анна. – А никакого конца света не будет. Я тебе обещаю.

Когда они уехали, меня, конечно, снова побили. Сначала шестерки Цапы отобрали у меня жвачки, а потом сам Цапа заехал кулаком по скуле из-за того, что Анна с ним не переспала.

А перед сном уже никакие не шестерки, а просто обычные пацаны и девчонки, которые никогда никого не обижают, вылили мне на постель целый графин воды.

– За что? – не понял я.

– Вали в свою Америку, – только и ответили мне.

* * *

Воспиталки считали, что Анна и Бруно ненормальные.

Это я понял, когда услышал, как другие ребята ноют им:

– Почему они выбрали его?

– Чем мы хуже?

– Я тоже хочу в Америку!

В ответ воспиталки рассказывали им, что в Америке живут страшные, больные люди. Что они видели научную передачу, где маленьких детей родители принудительно переделывали в людей другого пола.

– Так что радуйтесь, что они вас не выбрали, – заключали воспиталки, а затем с укором обращались ко мне: – Тебе лучше лишний раз подумать, чем соглашаться.

Сначала я распереживался, потому что мне не хотелось стать жертвой чьих-то злых экспериментов. Это было слишком пугающе и не укладывалось в голове: я не мог решить, что буду делать, если мне действительно скажут сменить пол.

Но тем же днем до директрисы долетели слухи, что воспиталки распускают сплетни про новых усыновителей, и она пригрозила, что всех уволит, если не перестанут внушать детям «всякую чушь».

Слова про чушь меня успокоили. Хорошо, если это неправда и я не стану подопытной зверушкой.

Когда Анна и Бруно приехали, они сразу заметили у меня на скуле синяк, оставленный Цапой. Начали расспрашивать, что произошло, и я рассказал, что он мне врезал, как только они ушли. И вообще про все рассказал: от отобранных подарков до передач про злых американцев, меняющих детям пол. Я не жаловался, мне просто нравилось сидеть на скамейке между ними и болтать. Просто о том, как дни проходят. Я ведь не виноват, что мои дни именно такие, – вот и получалось, что рассказываю будто ябедничаю.

Все, чего я желал больше всего на свете, – сидеть и говорить с людьми, которые хотят тебя слушать. А Анне и Бруно будто мало было просто слушать, им все время хотелось сделать для меня больше. Оттуда и подарки эти.

Вот и тогда они спросили:

– А мы можем что-нибудь для тебя сделать так, чтобы это потом не отобрали?

Я задумался. Вспомнил грустные глаза-вишни Костяна. Вспомнил длинные грязные пальцы Цапы, разрывающие наш праздничный торт.

И сказал:

– Привезите, пожалуйста, еды и накройте стол. Но никуда не уходите, пока все не доедят.

* * *

В американских фильмах, которые иногда удавалось посмотреть по телику, всегда было очень много еды: герои часто сидят в кафе и ресторанах, едят на улицах по дороге куда-то, даже их полицейские все время жуют пончики. Находясь в баторе, я думал о еде почти так же много, как и о будущих родителях.

Вообще-то у нас было пятиразовое питание: завтрак, обед, полдник, ужин и поздний ужин. Кормили нормально, не хуже, чем те домашние блюда, которыми угощали взрослые на гостевом режиме, но из-за порядков старших никто толком не наедался. А еще мы очень редко видели «плохую» еду: пиццу, бургеры, колбасу.

Когда я попросил Анну и Бруно покормить нас, я надеялся, что еда будет американской и наша вонючая столовка, в которой всегда пахнет борщом (даже если борщ давно и не готовили), станет похожей на «Макдоналдс».

Они приехали перед полдником, и, пока Анна накрывала столы, а Бруно таскал из машины целые коробки с пакетами сока, я бегал по коридору, заглядывая во все спальни подряд:

– Все, кто хочет, спускайтесь на полдник! – и добавлял загадочно: – От американцев!

Конечно, при слове «американцы» кучу вредной еды представили все и одной галдящей толпой – от младших до старших – повалили в столовую.

Но типичной американской еды мы не увидели: никаких бургеров, хот-догов и пончиков. Зато были блины, пирожки с разной начинкой (их разбирали быстрее, чем Анне удавалось объяснить, какие из них с чем), домашнее печенье, фрукты (мы все впервые попробовали манго и киви), шоколадные конфеты и соки.

Естественно, на пир спустился и сам Цапа со своими шестерками. Оглядев столовую так, будто это его владения, он остановился возле ребят из младшей группы и вырвал у какого-то малыша конфету прямо из рук.

– Эй! – Бруно, пытаюсь преодолеть трудности произношения, вмешался в происходящее: – Ты зачем это делать?!

Цапа ростом был ниже Бруно, но крепкий благодаря своему хобби: крутиться на турниках. В этом «эй» он тут же уловил призыв к драке и даже вскинул руки, как в какой-то бойцовой стойке.

Бруно, увидев это, улыбнулся и сделал к Цапе шаг вперед.

– Ты что, драться хочешь? – спросил он почти ласково.

– Не подходи, – только и ответил Цапа.

Бруно улыбнулся еще раз, разводя руками, как бы показывая, что он открыт и не планирует никакого боя.

– ОК! No problem! Не подхожу. Но и ты не дерись. Садись лучше чай пить.

Цапа растерянно опустил кулаки, но садиться за один стол со всеми не торопился.

– Не хочу чай, – буркнул он.

– Есть сок: персиковый, яблочный, апельсиновый, – начала перечислять Анна, как в магазине. – Но можем сходить за «Колой» или «Пепси».

– Ничего не хочу, – недовольно отвечал Цапа и в этом недовольстве вдруг показался мне совсем маленьким, младше нас всех.

Бруно достал из пакетов хлеб и колбасу с надписью «Докторская» и снова обратился к Цапе:

– Тогда помоги мне сделать бутерброды, – сам он взял столовый нож и принялся аккуратно, тонкими кусочками («Как для тостера», – подумал я) резать хлеб.

Цапа не двигался с места, молча наблюдая за действиями Бруно.

– Да давай! – иронично подбодрил он его. – Или помогать – это западло?

Я заулыбался от этих слов, а Бруно внимательно посмотрел на меня, будто уточняя, правильно ли он сказал слово «западло». Я кивнул.

Цапа, к всеобщему удивлению, взял второй ножик и на свободной доске начал толстыми неаккуратными кругляшками нарезать колбасу. Но никто не сделал ему замечание за то, что он плохо режет. Бруно, наоборот, нахваливал, довольно кивая:

– Вот видишь, ты и я справляться быстрее! Как тебя зовут?

– Цапа, – пробурчал тот себе под нос.

– Ок-е-е-ей, – медленно произнес Бруно. – Тс-тс... Тсапа... Но это же не твое имя, да?

– Серега.

– Сережа, – пояснила Анна для Бруно.

– Сережа можно? – уточнял Бруно. – Yes, по? Это ведь не обидно?..

Кажется, он был не уверен, обидное это имя или нет, и мы все дружно заверили Бруно, что Сережа – не обидное имя.

Тогда Цапа тоже сказал:

– Ладно, Сережа... – и шмыгнул носом.

Он сел вместе с нами за край стола и зажевал бутерброд, который сам же только что сделал. Потом все-таки попросил Анну налить ему чай.

Ребята расспрашивали моих будущих родителей про Америку:

– К вам прилетали НЛО?

– Вы когда-нибудь видели Джонни Деппа?

– У вас стреляют на улицах?

Я доедал уже третий пирожок с мясом и ни о чем не спрашивал, потому что знал: скоро я узнаю все сам. Каких-то несколько месяцев. И никакого конца света.

Все было хорошо, пока в столовке не возникла воспиталка. Она подошла к нашему столу, остановилась напротив Анны и Бруно и, уперев руки в боки, противно спросила:

– А кто разрешил?!

– Замдиректор по хозяйственной части разрешил, – устало ответила Анна, видимо предвкусывая конфликт.

– А давно у нас такие вопросы решает замдир по хэчэ? – продолжала допытываться воспиталка. – Такое надо с директором согласовывать!

– Ольга Семеновна была не против, – терпеливо сказала Анна.

– Ну нужна ведь какая-то официальная бумажка, разрешение, правильно? А если вы нам тут детей перетравите? Кто за это будет отвечать?

– Никого мы вам не перетравим, вся еда домашняя! Если хотите, можем пройти к директору и там это обсудить!

– Давайте пройдем! – не растерялась воспиталка. – Я не хочу потом отвечать, если, не дай бог, что случится!

Все втроем: Анна, Бруно и воспиталка – пошли к выходу из столовой, а я испуганно посмотрел им вслед, словно пытаясь остановить одним взглядом: «Пожалуйста, не уходите, вы же обещали!»

Но их спины скрылись за створками столовских дверей, а ребята словно инстинктивно начали жевать быстрее, запихивать в рот побольше и быстро-быстро запивать это все соком и чаем. Пока не отобрали...

– Спокойно, – это Цапа поднялся над столом.

Мы испуганно на него уставились. Но он просто повторил:

– Спокойно. Ешьте спокойно, – и вальяжно двинулся к выходу, доедая бутерброд уже на ходу.

В удивленной тишине чей-то тихий голос негромко спросил:

– А Цапа что... больше не Цапа?..

Никто не понял точно. Но я бы хотел, чтобы Цапа был больше не Цапой. Батор – не батором. А все мы – не собой.

Глава 2

Бьющий бегун

Ночью меня разбудила воспиталка.

Это было неприятное пробуждение: всякий раз, когда я вижу себя во сне крутым парнем, мне не хочется просыпаться и возвращаться в реальность. В тот раз я был гангстером-мафиози, у меня было много пушек распахано по штанам – не знаю, где именно, но чуть что, я лез куда-то в штаны и доставал то один пистолет, то другой, а потом стрелял по врагам. Не понял, кто был врагом, просто мне говорили по рации, что надо стрелять, и я это делал. И конечно, во сне я был взрослый и красивый, мне было лет тридцать уже, а не как сейчас.

И вот почувствовал сквозь сон, как кто-то тормошит меня за плечо, я даже глаза разлепить не успел, как на меня зашипели:

– Давай, собирайся живее!

По голосу узнал воспиталку, а в глазах все еще было по-сонному размыто.

Я сел в кровати и покорно принялся надевать одежду, которая висела здесь же – на спинке. В баторе не принято задавать вопросов: зачем? куда? Говорят: «Собирайся» – значит, так и делай. Я уже не первый раз так спешно собираюсь, раньше меня пару раз переводили в другие здания батора.

Пока я одевался и заправлял постель, краем глаза видел, что воспиталка складывает в небольшую спортивную сумку мои личные вещи: пару самых приличных футболок, свитер, трусы, зубную щетку и полотенце. Наверное, меня точно куда-то переводят, но почему часть вещей остается здесь?

Затем мы вместе с ней вышли из спальни и пошли по коридору. Было тихо и темно – все спали. Я посмотрел в окно: над крышами виднеющихся вдали пятиэтажек только-только забрезжил рассвет. Кольнула тревога: посреди ночи меня еще ни разу никуда не перемещали.

Мы спустились в столовую – никогда еще не видел ее такой пустой. На одном из столов стояла одинокая тарелка с овсяной кашей, рядом – стакан с какао, а на стакане хлеб с маслом.

– Поешь, – велела воспиталка.

Я был не очень голодный, потому что не привык есть в это время, но спорить не стал. Вдруг меня похищают или сдают в рабство, и в следующий раз я поем еще не скоро. Или вообще никогда.

Над дверью в столовой висели часы: стрелки показывали начало седьмого.

Без всякого удовольствия я запихнул в себя кашу с хлебом, запил это все какао и сообщил воспиталке, что закончил. Тогда она вдруг вытащила из спортивной сумки, которую собрала для меня, цветастую папку и, показав на нее, сказала по слогам, как для отсталого:

– Здесь твои документы.

Я непонимающе посмотрел на нее. Документы и документы. Зачем они мне? Я даже не знал толком, что это такое – «документы», нам же их в руки никогда не давали.

Воспиталка продолжила объяснять:

– Тебя хотят взять в гости на каникулы. Тебе понадобятся документы. Я передам их взрослым, понял? Запомнил?

Запомнить было довольно просто, и я кивнул, хотя все еще не понимал, почему все так сложно.

– Мы сделали тебе паспорт, – сказала воспиталка. – Чтобы ты смог пересечь границу.

– Какую границу? – не понял я.

Она раздраженно опустила руки и чуть не выронила мои документы.

– Ты же писал согласие!

– Какое согласие?

– Что ты не против провести каникулы в семье.

Я смутно припоминал: что-то такое было, еще давно, когда мы с Анной только познакомились. Но я тогда не понял, для чего это. Мне сказали: «Подпиши, если не против». А в баторе лучше на все соглашаться – целее будешь.

– А какая граница? – все равно недоумевал я.

– Ты полетишь в Америку на самолете, это называется «пересечением границы». Границы стран, понял? – Я ее явно утомил своими вопросами, и она, грубо схватив меня за руку выше локтя, потащила за собой в холл. – Через две недели, после каникул, прилетишь обратно.

В Америку! Я хотел было уточнить, имеют ли к этому отношение Анна и Бруно, как тут же заметил их: они стояли возле вахты и о чем-то негромко переговаривались. Увидев меня, оба широко улыбнулись.

Мы с воспиталкой остановились возле них, Бруно в знак приветствия потрепал меня по волосам, но тут же отвлекся на какие-то серьезные разговоры: все втроем они принялись перетряхивать папку с моими документами, что-то перепроверять и по десять раз повторять слова «заявление», «согласие», «разрешение», «виза», «паспорт». Я не слушал, потому что в голове билась только одна радостная мысль: Америка!

Я никогда не летал на самолете и уж тем более не был в других странах. Раз в год нас отвозили на экскурсию в какой-нибудь город: чаще всего в столицу или по Золотому кольцу, но ехали мы всегда на поезде, больше суток.

Когда взрослые закончили переговариваться, воспиталка сухо пожелала мне хороших каникул, Анна взяла меня за руку, и мы втроем пошли к выходу. Я поверить не мог, что все это происходит на самом деле!

За баторским забором нас ожидало такси. Я удивленно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.